

УДК 94 (4)

АНТИНАПОЛЕОНОВСКАЯ ПРОПАГАНДА СОЮЗНИКОВ И КАМПАНИЯ 1814 ГОДА

А. В. Гладышев

Гладышев Андрей Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, заведующий кафедрой региональной истории и музееведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Gladav2002@mail.ru

Военная кампания зимы 1814 г., как и предыдущие Наполеоновские войны, сопровождалась активной пропагандистской кампанией. В статье рассматривается один из эпизодов «войны перьев» – использование союзниками прокламаций для воздействия на общественное мнение французов. Противопоставляя Наполеона французскому народу, тексты прокламаций формируют у читателей триединый образ деспотичного, амбициозного и недоговороспособного императора, чьи интересы противостоят интересам французского народа; угнетаемой и разоренной в настоящий момент Франции, которая станет в будущем при помощи союзников единой, независимой, процветающей; союзников – миролюбивых, дисциплинированных, уважающих общественный порядок, не мстительных, но в то же время сильных, решительных, последовательно добивающихся своей цели и умеющих наказывать непослушных.

Ключевые слова: Наполеон, кампания 1814 г. во Франции, антинаполеоновская пропаганда, Александр I.

The Anti-Napoleonic Propaganda of the Allies and the Campaign of 1814

A. V. Gladyshev

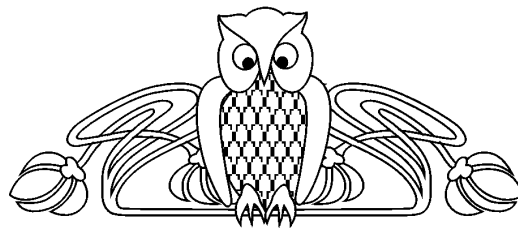
Andrei V. Gladyshev, ORCID 0000-0001-6935-3048, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, Gladav2002@mail.ru

The campaign of 1814, as well as previous Napoleonic wars, was accompanied by active propaganda. The article deals with one of the episodes of the «pen war» – the use of proclamations by the allies in order to influence the public opinion of the French. Opposing Napoleon to the French people, the texts of the proclamations form a triune image for readers: despotic, ambitious and incompetent emperor, whose interests contradict the interests of the French people; France – oppressed and ruined at the moment, which will become unified, independent and prospering with the help of the allies; Allies – peaceful, disciplined, respectful of public order, unwilling for revenge, but at the same time, strong, resolute, consistently pursuing their goal and capable of punishing the disobedient.

Key words: Napoleon, campaign of 1814 in France, anti-Napoleonic propaganda, Alexander I.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-480-488

Если поверить Уэйну Хенли¹, утверждавшему, что история использования Наполеоном пропаганды – яркий пример того, что в напо-

леонистике еще есть малоизученные области, то история пропагандистских усилий союзников в кампании 1814 г. должна быть отнесена к областям еще менее известным.

Конечно, пропаганда союзников в 1814 гг. не была чем-то принципиально новым даже в условиях Заграничного похода. Помимо работ, посвященных в целом «войне перьев» в годы Наполеоновских войн², есть исследования, посвященные специально наполеоновской пропаганде³ и антинаполеоновской пропаганде⁴, но они не касаются специально «атаки прокламаций», развернутой союзниками в конце 1813–1814 гг., предварявшей и сопровождавшей продвижение союзнических войск по территории Франции.

Главная цель пропаганды союзников – внести раздор в общественное мнение французов, противопоставить личные амбиции Наполеона интересам Франции, предостеречь возможные народные волнения и ответственную войну французов. Задача Наполеона – сплотить вокруг себя нацию, задача союзников – изолировать императора.

Не успела закончиться военная кампания 1813 г., как началась пропагандистская подготовка новой кампании. Уже 1 октября 1813 г. в Париж, Лион, Нант, Бордо, Страсбург рассылаются послания, в которых утверждается, что силы союзников столь велики, что у Бонапарта нет шансов на победу⁵.

15 ноября Наполеону переданы «франкфуртские предложения». Главное из них – Франция сводится к «естественным границам» (Рейн, Альпы, Пиренеи). Опубликованные в «Moniteur» эти весьма умеренные «предложения» союзников были многими французами восприняты с воодушевлением. И министры, и военные, включая Л. А. Бертье, советовали Наполеону заключить мир. Но расчет союзников был как раз на то, что Наполеон из гордости откажется и противопоставит себя общественному мнению французов.

М.-П. Рей пишет, что это под личным влиянием Александра I союзники решили прибегнуть к оружию пропаганды. Императора же России, в свою очередь, на это сподвиг «большой знаток французской ментальности», проживший несколько лет в Париже в качестве доверенного лица русского императора и военно-дипломатического агента, генерал-адъютант А. И. Чернышев⁶. По прибытии в главную квартиру во Франкфурт-на-Майне в ноябре 1813 г. он представил Александру I записку, в которой предлагал принять

декларацию, которая бы успокоила французский народ⁷. Обращаясь к Александру I как к «освободителю Европы», он пишет, что нельзя дать Наполеону время внушить несчастным французам ложные представления о предлагаемых союзниками условиях мира (о разделе Франции и т. п.). К несчастью, «легкомысленный и легковерный характер французов» делает их жертвами обмана со стороны правительства, в то время как союзники ничего не делают, чтобы разрушить выдуманное Бонапартом. Такой вывод Чернышев сделал, по его собственному признанию, из общения со многими пленными, «достаточно образованными и думающими людьми». В этих обстоятельствах было бы хорошо, если бы Александр I, «будучи душой и главой священной лиги», инициировал подготовку бумаги, в которой бы от имени всех союзников заявлялось о чувствах, что движут ими в этой войне. Французов надо убедить, что союзники не имеют никаких намерений унижить эту нацию, что идея доминирования над европейскими народами не принесет французам счастья, что она противоречит естественному порядку вещей. Манифест этот, по мысли Чернышева, должен был заканчиваться ясной и четкой декларацией об условиях мира. Комбинируя геополитические и психологические аргументы, Чернышев подчеркивал необходимость придерживаться миролюбивых интонаций. Он довольно четко обозначает главную задачу: надо разорвать связь между узурпатором трона и народом, в итоге французы должны были сами убедиться, что «единственная причина продолжения войны – эгоизм Наполеона». Таким образом, заканчивает Чернышев, Александр I пойдет на врага, держа в одной руке пучок молний Юпитера, а в другой – оливковую ветвь мира⁸. М.-П. Рей, которая обильно процитировала эту записку Чернышова, приходит к выводу, что ее «эхом» будет Франкфуртская прокламация⁹.

1 декабря 1813 г. увидела свет «Франкфуртская декларация», в которой обозначен главный враг союзников: война ведется не с Францией и французами, а с Наполеоном, стремящимся к гегемонии в Европе. В этом документе говорилось, что французское правительство должно остановить новый набор 300 000 призывников и не провоцировать союзные державы, готовые перед всем миром обнародовать соображения, которыми они руководствуются в этой войне, принципы, которые лежат в основе их поведения. Союзные державы ничуть не ведут войны с Францией: но к несчастью и для Франции, и для Европы император Наполеон слишком долго действовал вне границ своей империи и нарушил баланс сил¹⁰. Победы над ним привели армии союзников к Рейну, к границам Франции. Первым желанием союзных суверенов является предложить мир императору французов. Союзные монархи желают видеть Францию большим, сильным и счастливым государством. Они хотят, чтобы возродились французские торговля и искусство, чтобы французы

были счастливы, ибо «великий народ не может быть спокойным, если он не счастлив». Но и союзные державы также хотят быть свободными, счастливыми и мирными. Они хотят, чтобы мир, мудрый баланс сил впредь охранял народы от тех бесчисленных зол, что в течение 20 лет потрясали Европу. Это истинная цель усилий союзников, и они не оставят оружие пока не добьются благоприятного для себя результата, пока не вступят в свои права незыблемые принципы, пока святость договоров не обеспечит наконец истинный мир в Европе¹¹.

Союзники готовились к вторжению и стремились, выражаясь словами К. Меттерниха, «воздействовать на дух Франции»¹². Поэтому главное, что обещалось во Франкфуртской декларации – сохранение Франции сильной, богатой и счастливой, в границах до 1792 г.: никто не собирался «уничтожать и расчленять Францию». Как констатирует М.-П. Рей, объясняя французскому народу мотивы вторжения, Франкфуртская декларация ставила целью если не привлечь французов на свою сторону, то хотя бы добиться их нейтралитета¹³. Исследовательница подчеркивает: «Если текст и был составлен по указке Меттерниха, то он, по меньшей мере, как политически, так и стилистически нес на себе личный отпечаток царя». Об этом свидетельствуют аллюзии на необходимость для «справедливого эквивалента» установления мира «благородного» и «либерального» и почти мистическая идея «священных договоров»¹⁴.

6 декабря франкфуртская декларация нашла свое место на страницах «La Gazette de Francfort». Союзники не пожалели средств, чтобы сделать ее достоянием общественности. Газета «Journal de l'Empire» писала в начале января, что через почту Базеля эта декларация была отправлена многим французам¹⁵.

20 декабря союзники начали переправу через Рейн и вступили на территорию Франции. Интервенция, конечно, потребовала от союзников новых агитационных усилий: наполеоновская пропаганда теперь получала новый материал для борьбы за умы французов. Уже сам факт интервенции предоставлял возможность попытаться возбудить среди населения чувство патриотизма, поднять французский народ на борьбу с оккупантами, использовать архетипический страх французов перед «нашествием варваров», «дикарей», противопоставляя цивилизованные народы «нецивилизованным». Даже хитроумные австрийские дипломаты, желавшие заключить мир с Наполеоном, писали Александру I, что союзники рискуют в общественном мнении сменить образ борцов за мир на образ завоевателей и агрессоров.

Союзники понимали, какое представление о них формирует наполеоновская пропаганда. Прусский генерал К. Мюфлинг утверждал, что «французские газеты постоянно стараются представить нас народу как воров и грабителей, ко-

торые пересекли Рейн с одной целью – поделить Францию между собой»¹⁶. Поэтому переход границ сопровождался еще одним залпом прокламаций и распоряжений. Командование союзников (в первую очередь, Александр I) проявило чуткость к патриотическим чувствам не только французов, но и швейцарцев.

Когда было принято непростое решение о продвижении к границам Франции через территорию Швейцарии (через Базель и Женеву), то союзники опасались, что в случае потери войсками (в данном случае это были австрийские войска) дисциплины, распространения мародерства и насилия по отношению к местному населению может начаться стихийный народный протест.

При вступлении войск союзников на территорию Швейцарии 20 декабря 1813 г. главе исполнительной власти кантона (ландману) была передана декларация полномочных представителей Австрии и России за подписью И. Каподистрии. В декларации говорилось, что Швейцария на протяжении веков была счастлива сама по себе, но полыхающий уже двадцать лет в Европе огонь революции и войны не пощадил и ее. На руинах федеративной конституции Швейцарии Наполеон под маской протектора установил свое господство. Швейцарцам напоминалось об их традиционном нейтралитете и утверждалось, что союзные суверены хотели бы видеть эту страну свободной, независимой и в прежних границах: «армии союзников, вступая на территорию Швейцарии, надеются найти здесь только друзей»¹⁷.

В обращение от 21 декабря из Лорраха (Loeggach) К. Шварценберга к солдатам говорилось, что они вступают на территорию Швейцарии «как друзья и освободители», и поведение солдат должно соответствовать этому обстоятельству. Речь о том, чтобы, как бы тягостно при этом не было, славно закончить то, что столь славно начали: и родина, и весь мир ждут от солдат, чтобы они проявили храбрость и упорство в установлении достойного и длительного мира¹⁸. В тот же день Шварценберг подписал и обращенную к жителям Швейцарии декларацию, в которой пояснялись причины и цели вторжения войск союзников. В частности, выражалась уверенность, что «справедливость мотивации и чистоту намерений» союзников оценят все швейцарцы – истинные друзья прежней независимости и процветания, сторонники федеративного устройства. Шварценберг писал, что он не боится сопротивления профранцузски настроенной части швейцарцев, но он боится недовольства и возмущения тех швейцарцев, которые вполне справедливо рассматривают вторжение на территорию их государства иностранных войск как наибольшее зло. Поэтому обещались строгая дисциплина в войсках и четкая и скрупулезная оплата всех расходов и убытков, связанных с перемещением и расквартированием войск¹⁹. В другой пространной декларации, изданной также 21 декабря в Лоррахе и посвященной

вопросам нейтралитета Швейцарии, говорилось, что вторжение войск союзников в Швейцарию диктуется не только их оперативными военными планами, но и заботой о будущем устройстве этой страны. В частности, опять обещалось вернуть дореволюционные порядки и границы²⁰.

Для швейцарцев готовили декларации, для французов – прокламации... 21 декабря была подготовлена прокламация Шварценберга и для французов. В ней, в частности, говорилось: мы не ведем войны с Францией, мы хотим отбросить подальше то иго, что ваше правительство пыталось установить над нашими странами и народами, в то время как они имеют те же права на независимость и счастье, что и французы. В прокламации французов призывали безбоязненно оставаться у своих очагов. «Поддержка общественного порядка и уважение к частной собственности, самая строгая дисциплина», – будут визитной карточкой пребывания войск союзников на территории Франции. У них «абсолютно отсутствует жажда мести», они вовсе не хотят причинять французам те многочисленные бедствия, что французы причиняли другим народам в течение более 20 лет. Единственное их желание – установить прочный мир, для этого они и вступают на французскую землю²¹.

Франкфуртская декларация от 1 декабря и прокламация Шварценберга от 21 декабря были распечатаны в большом количестве экземпляров и по мере того как войска союзников продвигались вглубь Франции, эти декларации и прокламации передавались муниципальным властям и доводились до сведения населения²². Аналогичные прокламации составляли командиры и других союзных армий. С обращениями к населению выступали главы оккупационных администраций²³.

Особенным вниманием к проблемам отношения солдат к мирному населению отличались заявления русского командования.

Сначала последовало обращение к солдатам от 3 января 1814 г. из Базеля Барклай де Толли. В нем говорилось, что французы ждут, когда их освободят от гнета, и единственными намерениями солдат, пересекающих границу Франции, должно быть стремление прикончить своей победой амбиции императора Франции, дать народам мир, и, ведя себя доброжелательно и обходительно, вернуться на милую родину. Барклай де Толли увещевал: «Нашей целью должно быть уменьшение, а не увеличение бед и несчастий этой страны»; лучшие добродетели солдата – храбрость и благородство. Но не обошлось и без угрозы: если же среди солдат найдутся те, кто останутся глух к зову долга и чести, те, кто прибегнет к насилию в отношении местного населения, то они будут наказаны со всей строгостью «как враги общественного порядка»²⁴.

Через три дня последовал известный приказ Александра I от 6 января из Фрибура (Фрайбург-им-Брайсгау) «кротким поведением в земле не-

приятельской» победить ее «великодушием своим, сколько и оружием»²⁵.

Как считает современная исследовательница М.-П. Рей, желание Александра I минимизировать насилие над гражданским населением Франции – это не просто пропагандистский трюк, некий успокоительный акт²⁶. М.-П. Рей, выясняя сокровенные желания Александра I, помимо приказа от 6 января, ссылается на его письмо от 3 января 1814 г. из Фрибура своему бывшему наставнику Ф. С. Лагарпу. Это довольно эмоциональное и личное послание, в котором Александр I выражает радость, что благодаря Провидению, памятуя о наставлениях своего учителя, он теперь может послужить «делу независимости Европы». М.-П. Рей считает, что Александр I искренне желал «независимости Европы». И такая мессианская идея заставляет его с особой строгостью следить за поведением войск союзников относительно гражданского населения: невинные не должны пострадать, ибо идут не мстительные варвары, а освободители!²⁷

В какой-то степени эти замечания М.-П. Рей перекликаются с восхвалениями Александра I А. И. Михайловским-Данилевским (который, правда, опубликовал у себя только первую половину приказа Александра I от 6 января). В его записках содержатся многочисленные пассажи, подчеркивающие благородство и миролюбие Государя. «По его воле войскам было строго подтверждено о дружественном обхождении с французами и о соблюдении подчиненности. Успокоенные словами Его и печатными объявлениями Главнокомандующего, в которых изложены были миролюбивые виды союзных монархов, жители тех мест, куда вступала Главная армия, нигде не оказывали сопротивления и охотно выносили на биваки жизненные припасы, сено, овес и дрова»²⁸.

В приказе Александра I от 6 января говорилось: «Воины! мужество и храбрость ваша привели вас от Оки на Рейн. Они ведут нас далее: мы переходим за оный, вступаем в пределы той земли, с которою ведем кровопролитную, жестокую войну. Мы уже спасли, прославили отечество свое, возвратили Европе свободу ея и независимость. Остается увенчать подвиг сей желаемым миром. Да водворится на всем шаре земном спокойствие и тишина! Да будет каждое царство под единою собственному правительству своего властию и законами благополучно! Да процветают в каждой земле, ко всеобщему благоденствию народов вера, язык, науки, художества и торговля! Сие есть намерение наше, а не продолжение брани и разорения. Неприятели, вступая в средину царства нашего, нанесли нам много зла, но и претерпели за оное страшную казнь. Гнев божий поразил их. Не уподобимся им: человеколюбивому богу не может быть угодно бесчеловечие и зверство. Забудем дела их, понесем к ним не месть и злобу, но дружелюбие и простертую для примирения руку. Слава Россиянина низвергать ополченного врага,

и по исторжении из рук его оружия благодетельствовать ему и мирным его собратьям»²⁹. Александр I апеллирует к основам православной веры: «любите враги ваша, и ненавидящим вас творите добро». Он призывает к кротости, великодушию, христианскому благочестию, сохранению доброго имени и славы «мужественного и добронравного народа», но, одновременно, (как это было и в конце обращения Барклея де Толли) напоминает о «строгим мерах», к которым прибегнут командиры по отношению к непослушным³⁰.

Этот приказ будет распространяться во Франции наравне с декларациями и прокламациями союзников³¹.

Для сравнения отметим, что другие сюзерены и командующие могли быть гораздо менее внимательны к чувствам французов и не слишком сдерживаться в своих речах и прокламациях.

24 декабря 1813 г. король Пруссии Фридрих-Вильгельм во Франкфурте на Майне также подписал прокламацию «К моей армии». Но в этой прокламации не было призывов к миролюбию, прощению и т. п. Король сообщал, что он уже утвердил новую награду – Железный крест – для тех, кто отличится в наступающей кампании. Также из пушечного металла, что захвачен у врага, решено отчеканить медаль с надписью «1813 год». С цветами плакетки пока еще он не определился, но за этим дело не станет. В завершение выражалась надежда, что 1814 г. будет годом завершения «нашей благородной борьбы», чему, кстати, будет посвящена еще одна медаль³².

Довольно прямолинеен был и прусский командующий Силезской армией Г. Л. Блюхер. В своей прокламации от 1 января жителям левобережного Рейна он не слишком заботился об умеренности оборотов речи. Сначала заявлялось, что Силезская армия пересекла Рейн в целях установления мира и независимости наций, поэтому «все жители городов и деревень могут спокойно оставаться в своих домах, а работники на своих постах продолжать выполнять свои обязанности». Но далее следовало грозное предупреждение: все коммуникации с правительством Наполеона следовало прекратить. Те же, кто нарушит этот приказ, будут признаны виновными в измене, предстанут перед военным судом и будут наказаны смертью³³.

Вслед за приказом Александра I от 6 января последовал приказ Шварценберга от 8 января из Монбейера о порядке и дисциплине в армии. В связи со вступлением союзнических войск на территорию Франции Шварценберг обращает внимание командующих дивизиями, что те должны напомнить командирам полков, батальонов, отрядов о необходимости поддержания порядка, соблюдения дисциплины и хорошего поведения солдат по отношению к местным жителям, чтобы не требовали ничего сверх установленных армейских тарифов. В приказе Шварценберг обратил внимание, что о соблюдении дисциплины

и порядка войсками много говорится в декларациях и обращениях суверенов к французскому народу. И поведение солдат союзников должно подтвердить гарантии, данные суверенами и их заверения, что война ведется не с французами, а только ради прочного мира. И современники, и потомки должны быть восхищены не только храбростью, но и отличной дисциплиной солдат. Всякое нарушение будет караться со всей строгостью военного времени³⁴.

Но в заключение, как это было и у Блюхера, говорилось, что всякий француз, захваченный с оружием, будет отправлен к командиру дивизии, предстанет перед военным трибуналом и будет приговорен к смерти. Равно все города и деревни, в которых союзники встретят сопротивление со стороны местных жителей, будут преданы огню³⁵.

После занятия Нанси Блюхер обратился 20 января к горожанам с пространном обращением, в котором удивительным образом сочетал национальную риторику и коммерческую аргументацию. Новоиспеченный генерал-фельдмаршал заверял, что это «Провидение и справедливость» привели войска союзников на территорию Франции. Вся Европа поднялась против амбиций человека, который 14 лет деспотически управлял Францией. Чтобы обеспечить свою безопасность народы с берегов Волги, Дуная, Эльбы и т. д. покинули свои жилища и пришли во Францию. Некоторые из них долгое время были дружны с французами, но, вдруг, стали врагами. Почему? Из-за амбиций одного единственного человека. Посмотрите на португальцев, на голландцев, которые сбросили иго и взялись за оружие. Справедливость восторжествовала, в двух кампаниях исчезли 600 000 французов – «несчастные жертвы амбиции щедрого расточителя крови народа, которому сам он был чужаком»³⁶. Так, Наполеон оказался противопоставлен французам и в национальной отношении.

И для чего было пролито столько крови? Блюхер едва ли не сентиментален: «Целое поколение истреблено войной», промышленность, сельское хозяйство, торговля в упадке и население стонет под тяжестью налогов. Немец обращается к французам: жандармы все еще собирают ваших детей под знамена, чтобы защищать обогатившихся на грабежах и бесчестных махинациях. Несчастный народ! Храбрость наших войск приведет нас к победе, «мы завоюем нашу национальную независимость и свободу торговли», наперекор вашему хозяину, который хотел закрыть все порты, что Провидение дало народам. Блюхер не обещал французам избавить их от всех тех зол, что влечет за собой война, но он обещал их минимизировать³⁷.

Командующий корпусом Ф. Ф. Винцингероде в своей прокламации из Намюра от 5 февраля 1814, как и Шварценберг, ссылается на заявления союзных суверенов: читайте прокламации союзных суверенов и увидите, что главное их желание – желание мира. Расспросите своих

соотечественников о том, как обходятся с ними наши солдаты, и вам скажут, что наши солдаты вступают в ваши города как друзья. Винцингероде убеждает: встречайте хорошо наших солдат, и они не попросят у вас ничего кроме пищи, а если будут какие-то эксцессы, то сообщайте о них лично мне: «вы в любой час найдете меня готовым вас выслушать и наказать тех, кто нарушает приказы моего суверена, осмеливаясь обижать или грабить французов»³⁸. Пусть каждый гражданин остается в своем жилище, а каждый функционер – на своем рабочем месте (им будет оказано соответствующее уважение), что поможет избежать беспорядков: «Мы воюем только с солдатами Наполеона». Заканчивается прокламация предостережением: если хоть один житель откажется от условий этой мирной оккупации и возьмется за оружие, то целые селения будут отданы для мести казаков³⁹.

Некоторые прокламации были реакцией на пропаганду наполеоновских властей.

Короткая, но эмоциональная прокламация Шварценберга из Везуля от 19 января – прямой ответ на клеветническую пропаганду наполеоновского правительства. Прокламация гласила, что правительство, которое желает, как и все остальные нации Европы мира, должно отказаться от клеветнических листовок, содержащих самые тяжкие оскорбления. Нельзя без возмущения читать речь Ф. П. Сегюра, произнесенную им в Труа 2 января, в который он осмелился заявить, что союзники потребовали от муниципалитета Базеля контрибуцию в 2 млн. Какое доверие может внушать правительство, которое столь грубую ложь, публикует в официальном документе?! «Повсюду, где прошли союзнические армии, они просили только мира и дружбы», только такой контрибуции жаждут их сердца, – уверял Шварценберг⁴⁰.

В другой прокламации от 10 марта, которая начинается словами «Французы, вас призывают к восстанию», Шварценберг предупреждает: если французы хотят избавиться от оккупации (понятно, что ситуация в оккупированных департаментах, вынужденных кормить войска союзников, была весьма сложной), то они должны заставить свое правительство заключить предлагаемый союзниками мир. Принять или не принять предложения Европы о мире зависит только от французского правительства. Союзники вовсе не хотят захватывать Франция, но они хотят мира, который бы установил как у них, так и в самой Франции прочное спокойствие. Французам обещалась национальная независимость: «ни вы, ни ваши дети больше не будут проливать кровь за чуждые вам интересы». Только после заключения мира иностранные армии покинут территорию Франции. Если же французы поддадутся на уговоры правительства и продолжат сопротивление, это обернется против них⁴¹.

Эта прокламация – ответ на призыв французского генерала Ж. А. Ф. Алликса от 6 марта к всеобщему восстанию.

Другим ответом на этот призыв стал приказ Шварценберга из Труа от того же числа. По этому приказу всякий гражданский, который будет задержан с оружием в руках, должен был быть приравнен к военнопленному и отправлен «в отдаленные провинции одного из союзных государств». Тот же, кто убьет или ранит солдата союзников, будет в 24 часа предан военно-полевому суду. Всякая коммуна, в которой будут бить в набат, чтобы поднять народ на сопротивление союзникам, будет сожжена⁴². Вводилась коллективная ответственность: если коммуна как-то связана с убийцей, то она выплачивает контрибуцию: коммуны в 20 тыс. жителей платят 500 000 франков контрибуции, от 10 до 20 тыс. жителей – 300 000 франков, от 5 до 10 тыс. – 200 000 франков, от 1,5 до 5 тыс. – 100 000 франков, менее 1,5 – в пропорции аналогичной их средствам. Командирам отрядов разрешалось брать заложников из наиболее видных горожан. Оказавшие массовое сопротивление коммуны подлежали разграблению и сожжению. Те, кто будут замечены в распространении воззваний Алликса, будут приравнены к шпионам и расстреляны⁴³.

Прокламации издавались от имени суверенов, командующих армиями, командующих корпусами. Командирам летучих отрядов предписывалось лишь распространять эти декларации, и излишняя инициатива в этом отношении пресекалась. Так, командир летучего отряда Ф. Гейсмар, который был назначен служить под началом командующего всеми саксонскими войсками герцога Карла Августа Саксен-Веймарского, принялся распространять прокламации, которые содержали прямой призыв в пользу Бурбонов: «... Людовик XVIII, ваш соотечественник, ваш законный король, прибыл на континент. Уже тысячи его сторонников объединились вокруг него. Поторопитесь последовать этому прекрасному примеру. Не мешкайте, чтобы сменить иностранного тирана на отца, рожденного среди вас»⁴⁴. Но распространение по указанию герцога Саксен-Веймарского пробурбоновских прокламаций вызвало негативную реакцию со стороны Александра I. Содержание таких прокламаций через начальника штаба 3-го корпуса герцога Саксен-Веймарского барона Л. Вольцогена было доведено до сведения начальника главного штаба Александра I князя П. М. Волконского, а через него и до русского императора. Со стороны последнего последовало довольно строгое порицание. Волконский писал 5 марта герцогу Саксен-Веймарскому, что Александр I «очень недоволен поведением полковника Гейсмара», который издает прокламации и вступил в связи с «авантюристом Фришаром» (написание его фамилии варьировалось). Со слов начальника штаба, Александр I полагал, что не дело офицера заниматься политическими делами и настаивал на прекращении издания и распространения подобных прокламаций⁴⁵.

Вопрос о том, какой эффект на население Франции имели эти прокламации, потребует специального исследования, но, что определенный эффект был, признавали и сами современники, и историки. Многие французские провинциальные чиновники отказались от идеи организовать сопротивление наступающим частям союзников, боясь мести и репрессий с их стороны. Как вспоминал П. Бери, вступлению союзников в Лангр и Шомон предшествовали успокаивающие прокламации, в которых утверждалось, что союзники не злопамятны и намерены добиться у населения расположения в свою пользу. Поэтому их ждали и их встречали как друзей и освободителей от деспотизма⁴⁶.

Прокламации союзников использовались внутренними противниками наполеоновского режима. А. Россиньо, утверждал, что «дерзость врагов императорского режима возросла». В качестве доказательства он приводит обзор вражеских прокламаций, представлявших союзников как «друзей человечества», который был отправлен по почте подписчикам «Journal de l'Empire». А. Россиньо также процитировал отрывки из нескольких обнаруженных им в частной библиотеке прокламаций, составленных, как он, видимо, полагал, роялистами: «Французы не верьте слухам, распространяемым клеветниками, смотрите на армии союзных суверенов только как на друзей человечества, которые являются врагами только для врагов мира. Ваши родители, ваши друзья, ваши братья, ваши дети содержатся в заключении в чужих землях, присоедините их голоса к нашим во имя мира, который будет для них означать возвращение к семьям»⁴⁷.

Автор другой прокламации, которая называется «Один француз французам», сетовал на нынешние разрушения и разорения его родины, которую ее «отчее правительство» когда-то сделало столь счастливой. Автор задает риторическим вопросом о том, можно ли надеяться на мир, когда правительство Франции все делает для того, чтобы война затянулась до бесконечности, чтобы ожесточить союзников, которые дали священное обещание покинуть территорию Франции, как только Европе будет гарантирован стабильный мир⁴⁸.

Прокламации союзников, по словам А. Колленкура, были большим злом, чем их оружие. А. Шюке полностью с ним согласен: «Искусные, примирительные, полные предосторожностей, опускающие факты, которые могли бы задеть самолюбие или возбудить умы, – они отделяли императора от нации»⁴⁹. Не хотевшие больше воевать французы верили тому, чему (и кому) хотели верить: поражения и экономический кризис имели следствием, отмечает Т. Ленц, падение популярности императора как среди знати, так и среди народа⁵⁰. Ленцу вторят и другие современные исследователи: многие тогда во Франции принимали заявления союз-

ников за чистую монету, полагая, что Наполеон напрасно отказывается от предлагаемого мира. В государственных элитах с ноября 1813 г. нарастали пораженческие и капитулянтские устроения⁵¹.

Пропаганда стала для союзников не только средством внести раскол в правящие элиты, но и противоядием от партизанской войны, на которую рассчитывал Наполеон: местному населению разъясняли, а своим солдатам строго грозили. Прокламации, обращенные к французскому народу, содержали в себе три основных образа: Наполеона, настоящего и будущего Франции, союзников.

Упоминание императора Франции соседствует в текстах прокламаций с такими лексемами, как «иго», «гегемония», «деспотизм», «личные амбиции». Иногда Наполеона прямо называют не французом, а чужестранцем. Император недоговороспособен, его интересы противоречат интересам французского народа.

Французскому народу указывали на упадок в настоящее время экономики, на тяжесть налогов, на угнетение, на понапрасну пролитую кровь, на детей и отцов семейств, оторванных от дома и томящихся в далеком плену. А в будущем французам обещают целостность страны, независимость, спокойствие, стабильность, процветание, богатство, счастье, мирное сосуществование как равных с равными.

Наконец, союзники предстают в прокламациях как мудрые, миролюбивые, отменно дисциплинированные, доброжелательные, обходительные, уважающие общественный порядок, не мстительные, а умеющие прощать, верные христианским принципам кротости и великодушия, мужественные и добронравные одновременно. Но в то же время любящие свою родину, независимость, сильные, решительные, последовательно добивающиеся своей цели и умеющие наказывать непослушных.

Союзником удалось реализовать известный принцип: разделить и властвовать. Французов убедили, что война ведется не с ними, а с Наполеоном и, если население будет оставаться спокойным и не оказывать сопротивления, ему будут гарантированы неприкосновенность личности и имущества. Историки почти единодушны в оценке реакции французам: начавшееся вторжение если и ужаснуло население, то оставило его безучастным. Как с сарказмом отмечал А. Уссэ, казаки, башкиры, калмыки не были членами Тугендбунда и эти прекрасные прокламации и суровые приказы или вообще не дошли до сознания этих неграмотных дикарей или были очень скоро забыты⁵². Поэтому сопротивление интервентам будет нарастать, но эта тема для отдельного разговора.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-10041).

Примечания

- ¹ *Hanley W.* The Genesis of Napoleonic Propaganda, 1796 to 1799. Columbia University Press, 2005. URL: <http://www.gutenberg-e.org/haw01/frames/fhawack.html>). О том же, в сущности, писал и Д. М. Туган-Барановский: «Но в огромной литературе остались в тени, на мой взгляд, весьма существенные вопросы: какими способами Наполеон достигал политического успеха и какое место в достижении этого успеха он отводил общественному мнению?». См.: *Туган-Барановский Д. М.* «Лошадь, которую я пытался обуздать» (печать при Наполеоне) // Новая и Новейшая история. 1995. № 3. С. 158.
- ² *Тартаковский А. Г.* Военная публицистика 1812 года. М., 1967. В. Г. Сироткин, когда говорил о «фронте военно-дипломатической пропаганды», дополняясь другие фронты Наполеоновских войн, имел в виду в первую очередь газетную публицистику. См.: *Сироткин В. Г.* Официозная военно-политическая публицистика Франции и России в 1804–1815 гг. // Бессмертная эпопея. К 175-летию Отечественной войны 1812 г. М., 1987. С. 222–243; *Его же.* Наполеон и Александр I. М., 2003; *Губина М. В.* «Война перьев» в 1812 году // Французский ежегодник. 2013. М., 2013. С. 194–200. На другом полюсе – многочисленные статьи отечественных и зарубежных авторов по истории Наполеоновской эпохи с общей постановкой темы: «то-то и то-то на страницах газеты такой-то»...
- ³ *Compton T. E.* Napoleon and the Moniteur // Royal United Services Institution. Journal. 1919. Vol. 63, № 454. P. 255–270; *Holtman R.* Napoleonic Propaganda. Baton Rouge, 1950; *Leith J. A.* The Idea of Art as Propaganda in France, 1750–1799. Toronto, 1965; *Durand Ch.* Quelques idées de Napoléon sur le régime de la presse // Société belge d'études napoléoniennes. 1969. № 69. P. 17–25; *Hanley W.* The Genesis of Napoleonic Propaganda, 1796 to 1799. Columbia University Press, 2005; *Беглов С. И.* Наполеоновская пропаганда – орудие диктатуры и экспансии победившей буржуазии // Внешнеполитическая пропаганда. Очерк теории и практики. М., 1981. С. 236–242; *Митрофанов А. А.* Русско-французские отношения в зеркале бонапартистской пропаганды // Французский ежегодник. 2006. Наполеон и его время. К 100-летию А. З. Манфреда (1906–1976). М., 2006. С. 130–145; *Промыслов Н. В.* Французская пропаганда о России накануне и во время войны 1812 года // История: электронный науч.-образоват. журн. 2013. Т. 4, вып. 1(17). Не считая таких обобщающих работ по истории прессы во Франции при Наполеоне, как: *Welschinger H.* La Censure sous le premier empire. P., 1887; *Terrou F.* Histoire générale de la presse française. Vol. 1, Des origines à 1814. P., 1969; *Cabanis A.* La presse sous le Consulat et l'Empire 1799–1815. P., 1975; *Тарле Е. В.* Печать во Франции при Наполеоне I // Собрание сочинений: в 12 т. М., 1958. Т. 4; *Туган-Барановский Д. М.* «Лошадь, которую я пытался обуздать»... С. 158–179; *Гладышев А. В.* «Казаки» и антирусская наполеоновская пропаганда в 1814 г. // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2014. Т. 14, вып. 2. С. 70–76.
- ⁴ *Абалихин Б. С.* Русская армейская пропаганда и на-

- ционально-освободительное движение в Германии (1812–1813 гг.) // Из истории национально-освободительной борьбы в дореволюционной России. Волгоград, 1968. С. 102–110 ; *Его же*. Военно-публицистическая деятельность русского командования среди солдат и населения Германии в 1812–1813 гг. // Бесмертная эпопея : к 175-летию Отечественной войны 1812 г. и Освободительной войны 1813 г. в Германии. М., 1988. С. 243–260 ; *Горбунов А. В.* Характеристика неприятеля в русских армейских листовках 1812 года // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы : материалы VII Всерос. науч. конф. (Бородино, 1998 г.). Бородино, 1999. С. 6–13 ; *Мельникова Л. В.* Антинаполеоновская пропаганда в России 1806–1814 гг. : формирование образа внешнего врага // История : электронный науч.-образоват. журн. 2013. Т. 4, вып. 4 (20) ; *Йор Й.* Движение протеста и антинаполеоновская пропаганда в Голландии 1806–1813 гг. // История : электронный науч.-образоват. журн. 2012. Т. 3, вып. 4 (12). С. 265–294.
- 5 *Могилевский Н. А.* От Немана до Сены : заграничный поход русской армии 1813–1814 гг. М., 2012. С. 171.
 - 6 *Rey P.-M.* 1814, un tsar à Paris. P., 2013. P. 69.
 - 7 Рапорт составлен до 8 (20) ноября 1813 г. См.: *Безотосный В. М.* Наполеоновские войны. М., 2012. С. 297.
 - 8 Докладная записка А. И. Чернышева императору Александру I // Сборник Русского исторического общества : в 148 т. 1906. Т. 121. С. 232–235.
 - 9 *Rey P.-M.* Op. cit. P. 70.
 - 10 На этой фразе из декларации обычно и акцентирует внимание историки. См.: например : *Weil M.-H.* La campagne de 1814 d'après les documents des archives impériales et royales de la guerre à Vienne : la cavalerie des armées alliées pendant la campagne de 1814. 4 t. P., 1891–1896. Т. 1. P. 5.
 - 11 Декларация эта вошла в различные сборники документов, публиковалась в качестве приложения к исследованиям или просто щедро цитировалась на страницах книг. См. : *Koch C.-G.* Histoire abrégée des traités de paix, entre les puissances de l'Europe, depuis la Paix de Westphalie. Bruxelles : Gide, 1818. Т. 10. P. 370–372 ; *Develay V.* La France devant les deux invasions 1814–1815. Pièces Justificatives. P., 1864. P. 223–225 ; *Rey P.-M.* Op. cit. P. 70–71.
 - 12 Аналогичная пропаганда велась и в других землях : массово издавались и распространялись обращения к населению Польши и Германии. В них подчеркивалась освободительная миссия русской армии. Сообщалось, например, что специальным указом Александр I амнистировал всех тех поляков, которые служили Наполеону.
 - 13 *Rey P.-M.* Op. cit. P. 70.
 - 14 *Ibid.* P. 71–72.
 - 15 *Journal de l'Empire.* 1814. 04.01. P. 2.
 - 16 *Muffling F. K. F.* Passages from my life : together with memoirs of the campaign of 1813 and 1814. L., 1853. Цит. по: *Hantraye J.* Les Cosaques aux Champs-Élysées. L'occupation de la France après la chute de Napoléon. P., 2005. P. 228.
 - 17 *Recueil de pièces officielles destinées à détromper les François sur les événemens qui se sont passés depuis quelques années : Campagne de 1814.* Т. 2. P., 1814. P. 3. Еще одна нота Каподистрии будет передана ландману 31 декабря. В ней обещался возврат Конфедерации завоеванных Францией территорий и свободное утверждение желаемой швейцарцами конституции. См.: *Recueil de pièces officielles...* P. 20–22. На эти обращения 4 января из Цюриха будет получен благожелательный ответ.
 - 18 *Recueil de pièces officielles...* P. 5.
 - 19 *Ibid.* P. 7.
 - 20 *Ibid.* P. 11–12.
 - 21 *Ibid.* P. 16–18. Цитируется у Дюмениля. См.: *Dumenil A. J.* Les Cosaques dans le Gatinais en 1814. Paris, 1880. P. 8.
 - 22 24 декабря в полдень войска союзников вступили в принадлежавший тогда Франции Поррентруи ; в городе распространили прокламацию Шварценберга от 21 декабря. См.: *Heyer V.* Dernières batailles napoléoniennes dans le Haut-Rhin : invasions de 1813, 1814 et 1815. Réchésy, 2009. P. 106. Когда 30 декабря Платов получил приказ перейти Рейн и выдвинуться к Вогезским горам, то помимо прочего казакам вменялось «распространение в муниципалитетах прокламаций к французскому народу». См.: *Weil M.-H.* Op. cit. Т. 1. P. 33–34.
 - 23 Во главе департамента Вогезы поставлен баварец граф Йозеф-Людовик Армансперг (*Armansperg*), который в специальной прокламации, обращенной к вогезцам, утверждал, что он хочет управлять «как по справедливости, так и по-отечески». См.: *Bouvier F.* Les Premières combats de 1814 : prologue de la campagne de France dans les Vosges. P., 1895. P. 138.
 - 24 *Recueil de pièces officielles...* P. 24. То, что это обращение Баркляя де Толли отражает позицию Александра I прямо свидетельствует письмо от 24 декабря (5 января) из Базеля Баркляя де Толли М. И. Платову. В этом письме сообщается, что главная квартира 26 декабря (7 января) переходит в Алткирх, куда должен был следовать и отряд Платова. При этом движении предписывалось соблюдать строжайшую дисциплину и порядок, «наказывая без всякого послабления всякое насилие и грабеж, несмотря ни на какое лицо, ибо раздражение жителей повлечет за собою весьма неприятные последствия и поставит преграду благонамеренной цели Государя Императора». См.: Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. : сб. документов. Ростов н/Д, 2012. С. 521.
 - 25 Собрание высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений, последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб., 1816. С. 152.
 - 26 *Rey P.-M.* Op. cit. P. 72. То же см.: *Mir J.-P.* La Bataille de Paris. P., 2004. P. 32.
 - 27 *Rey P.-M.* Op. cit. P. 61–62.
 - 28 *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание похода во Францию в 1814 году : в 2 т. СПб., 1836. Т. 1. С. 57.
 - 29 Собрание высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов... С. 151.
 - 30 Там же. С. 152. Ср.: *Recueil de pièces officielles...* P. 28–29.

- ³¹ 12 февраля 1814 г. мэру города Пуизо (Puisseaux) передали отпечатанный экземпляр приказа от 25 декабря 1813 г. (6 января 1814 г.), адресованного Александром I русским солдатам, в котором император «призывал отказаться от мести и ненависти и вести себя по отношению к гражданским лицам дружески, ибо это против чести русского человека плохо обращаться с безоружным врагом». Дюмениль посчитал, что этот призыв к умеренности сделан «под вдохновением великого религиозного волнения» и «под влиянием успехов русского оружия». См.: *Dumesnil A. J.* Op. cit. P. 23.
- ³² *Recueil de pièces officielles...* P. 18–20. Короткая прокламация шведского короля от 12 февраля 1814 г., в которой он позиционирует себя перед французами как защитник интересов шведского народа, все еще переживающий за своих бывших соотечественников. Карл XIV Юхан заверяет, что суверены не хотят войны наций, но они хотят, чтобы государства были независимы. Все «просвещенные люди» хотят сохранить Францию, но они хотят, чтобы она больше не была бичом людей. См.: *Recueil de pièces officielles...* P. 97.
- ³³ *Dumesnil A. J.* Op. cit. P. 9.
- ³⁴ *Recueil de pièces officielles...* P. 30–31.
- ³⁵ Ibid.
- ³⁶ Ibid. P. 48.
- ³⁷ Ibid. P. 49.
- ³⁸ Ibid. P. 86.
- ³⁹ Ibid. P. 88.
- ⁴⁰ Ibid. P. 45.
- ⁴¹ Ibid. P. 169.
- ⁴² Ibid. P. 171.
- ⁴³ *Recueil de pièces officielles...* P. 172.
- ⁴⁴ *Fauchille P.* Une chouannerie flamande au temps de l'empire (1813–1814) : Louis Fruchart, dit Louis XVII, d'après des documents inédits. P., 1905. P. 223. Подробнее см.: *Гладышев А. В.* «Летучий» отряд Ф. К. Гейсмара в кампании 1814 года // Военно-исторические исследования в Поволжье : сб. науч. тр. Саратов, 2014. Вып. 10. С. 140–184.
- ⁴⁵ *Weil M.-H.* Op. cit. T. 4. P. 454. См. также: *Fauchille P.* Op. cit. P. 223.
- ⁴⁶ *Bérault P.* L'Empereur Alexandre à Bar-sur-Aube en 1814. P., 1816. P. 7.
- ⁴⁷ Н. А. Могилевский ссылается на обнаруженное в архиве воззвание к гражданам Франции, которое текстуально совпадает с цитируемой Россиньо прокламацией : «Французы! Не верьте ложным слухам, которые распускают недоброжелатели; расценивайте союзных монархов только как сторонников милосердия, которые сражаются лишь с противниками мира». См.: РГВИА. Ф. ВУА. Д. 4120. Ч. 1. Л. 91. Цит. по: *Могилевский Н. А.* От Немана до Сены : заграничный поход русской армии 1813–1814 гг. М., 2012. С. 217.
- ⁴⁸ *Rossigneux A.* Un chapitre de l'Histoire d'Auxere. L'année 1814 // Bulletin de la Société des sciences historiques et naturelles de l'Yonne. 1911. T. 15 (65). P. 87, 106–107 note.
- ⁴⁹ *Chuquet A.* L'Alsace en 1814. P., 1900. P. 75.
- ⁵⁰ *Lentz T.* Nouvelle histoire du Premier Empire. T. 2. L'effondrement du système napoléonien 1810–1814. P., 2004. P. 497.
- ⁵¹ *Jego Y.* La campagne de France. P., 2013. P. 37.
- ⁵² *Houssaye H.* 1814. P., 1900. P. 47.

Образец для цитирования:

Гладышев А. В. Антинаполеоновская пропаганда союзников и кампания 1814 года // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 480–488. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-480-488.

Cite this article as:

Gladyshev A. V. The Anti-Napoleonic Propaganda of the Allies and the Campaign of 1814. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 480–488 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-480-488.